

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

ПЛЕННИЦА ВЕПРЯ

Виктория Волкова

Пленница Вепря

«Виктория Волкова»

2020

Волкова В. Б.

Пленница Вепря / В. Б. Волкова — «Виктория Волкова», 2020

Когда случается беда, стоит, отбросив прочь глупые страхи и сомнения, обратиться за поддержкой к тому, кто действительно способен помочь. Пусть даже он опасен и непредсказуем. Я до дрожи в коленях боюсь Родиона Веприцкого, хозяина ночного клуба «Пантера», но упрямо ищу встречи с ним. Кто же знал, что Вепрь давно разыскивает меня. А взяв в плен, выдвигает условия, такие же жесткие и циничные, как и он сам.

© Волкова В. Б., 2020

© Виктория Волкова, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктория Волкова

Пленница Вепря

Глава 1

Взгляд... Холодный, презрительный.

Внутренний голос шепчет: «Убирайся, пока цела!», но я остаюсь. Сдерживаюсь усилием воли.

«Ну не убьют же тебя, – убеждаю саму себя. – А кроме Вепря надеяться не на кого», – добавляю в который раз избитую фразу. Но что делать, если это правда. И только он, стоящий напротив меня Родион Веприцкий, обжигающий синью ледяных глаз, холеный, изысканный и властный, может помочь мне. Я пялюсь на белоснежную рубашку. Слегка смятую. Расстегнутую чуть ниже груди. Замечаю черные волоски и ловлю себя на мысли, что хочу их погладить.

«Совсем сошла с ума, идиотка», – пытаюсь совладать с собой и обдумываю каждое слово, прежде чем открыть рот.

Вепрь... Я помню, как еще в школе боялась пройти мимо, когда он стоял на крыльце. Высокий старшеклассник с забранными в хвост черными волосами и с потертым рюкзаком за плечами. Ребенком, в свои восемь или девять лет, я ощущала исходящую от него угрозу и все стремилась обойти десятой дорогой, нутром чувствуя, что добром для меня знакомство с этим типом не кончится.

– Я разберусь, – холодно бросает он охраннику и тем самым приводит меня в реальность. Дверь хлопает за спиной, и я остаюсь один на один с весьма страшным зверем в человеческом обличье.

– Это хорошо, что ты пришла ко мне, – улыбается он с издевкой. – Я искал тебя, красавица... Долго искал...

Вепрь подходит ближе. И я замечаю легкую седину в коротко стриженном ежике. Мешки под глазами. Устал, наверное. Вон и рубашка выпущена из брюк и стакан виски в тонких красивых пальцах. Родион отставляет спиртное в сторону и в два шага оказывается рядом. Я уже открываю рот, чтобы попросить о помощи, когда он берет меня за подбородок и резко бросает:

– Заткнись и слушай.

Я стою перед ним как школьница. Дрожу, как та дурацкая третьекласска. И даже слова не могу вымолвить.

«Что за номера?» – хочется выкрикнуть мне. Но язык прилипает к небу и челюсти стискиваются как по команде.

– Из-за твоих выходов я понес урон. Ну коли сама пришла, то знаешь, наверное, – хрипло говорит он и слегка сжимает пальцами мое лицо. – По большому счету тебя нужно грохнуть, – сипло заявляет Веприцкий. – Но время прошло. Я остыл. Вернешь бабки, что дуром из меня вытрясла, заплатишь моральную компенсацию и вали на все четыре стороны. Попадись ты мне под руку даже год назад, – шепчет угрожающе, – я бы из тебя чучело сделал и на входе в клуб поставил. Чтоб другим неповадно было...

– В чем дело? – вырываюсь я из крепких пальцев. – Вы меня с кем-то путаете... Мне посоветовали к вам обратиться за помощью. Но теперь я понимаю, что не стоило надеяться, – раздраженно бросаю я и разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Здесь без моего разрешения никто и шага не сделает, – рычит он, хватая меня в охапку. – И мне плевать, что ты понимаешь, а что нет. Кроме меня, тебя опознали мои ребята. Поэтому перестала ломаться и давай поговорим серьезно. Вернее, я излагаю, а ты мотаешь на ус. Поняла?

– Это бред, – мотаю я головой и тут же, повинаясь движению крепкой руки, падаю в кресло.

– Заткнись, – рычит Веприцкий. – Больше повторять не стану. Залеплю рот скотчем. Или найду ему другое применение. Поняла?

Я киваю и только сейчас замечаю, как по моим щекам льются слезы.

«Твою мать, Вепрь! Твою мать! – мысленно шепчу я, стараясь собрать себя в кучу. – Глупо показывать противнику свой страх. Иначе начнет куражиться, не остановишь».

Я смотрю на крепкую спину взрослого мужика. Властного и красивого. С накачанным торсом и вроде неглупого – и чувствую жалость.

«Сколько ему? Кажется, нет еще и сорока, – пытаюсь прикинуть мысленно. – Если я училась в третьем классе, а он в одиннадцатом, то ему сейчас примерно тридцать восемь. Молодой еще, а уже свихнулся! – думаю я. – С момента как ты, придурок, закончил школу, мы не виделись, – усмехаюсь про себя. – Что я тебе могла задолжать, если жила в Америке? Какие еще долги, Родя? Ладно, разберемся», – решаю я и замираю, когда надо мной наклоняется Веприцкий. Подает мне точно такой же стакан, как и у него самого.

– Выпей, и поговорим, – рычит он. – Ты слишком дергаешься, а уже поздно. Времени не осталось.

– В каком смысле поздно? – шепчу я и одновременно мотаю всклокоченной башкой. – Я не пью спиртного...

– В самом прямом. Добегалась ты, красавица. Даже не знаю, что с тобой делать. То ли по рукам пустить, то ли на счетчик поставить...

– Что?! – вскрикиваю я, вскакивая с места. Виски в стакане расплескивается мне на блузку. – Да ты с ума сошел, Родя! Белены объелся?

– Откуда знаешь, как меня зовут? – изумляется он. – Справки наводила?

– Родион Александрович Веприцкий, – заявляю я, явно издеваясь. Обычно в таком случае человек спрашивает, откуда, собственно, ты меня знаешь. Но только не Вепрь.

«И почему Вепрь, а не Олень? Или Баран? Чудесное погнало!»

– Ты, вижу, хорошо подготовилась, – усмехается он и совершенно неожиданно протягивает ко мне руку и тянет на себя. Его пальцы быстро ошупывают мою грудь и бедра.

– Ты сдурел? – сержусь я и уже сама опускаюсь в кресло. Обычное каминное кресло в английском стиле. Оббитое сиреневым плюшем и дарящее мне свою защиту.

– Перестань мне тыкать, – хмурится Родион и добавляет спокойно: – Прослушки нет. А то бы ты рассердила меня, девочка, – усмехается он нехорошо и бросает устало: – Давай разбираться по порядку.

– Давайте, – лепечу я. – Но я правда ничего не понимаю. Меня три года в стране не было...

– Не втирай, не надо, – сипло роняет он и снова испытующе смотрит на меня. – Честно говоря, когда ты сегодня вечером вломилась в мой клуб, я думал, что ты пришла за прощением. У тебя, вероятно, слишком много наглости и мало ума, раз споришь со мной. И на все твои глупые уловки у меня есть доказательства. А вот что у тебя, красавица? Идиотские отговорки?

«Твою мать, – вою я мысленно. – Вот я вляпалась! Попала, блин! Обратилась за помощью, называется! Сейчас, когда каждый день на счету... В одном прав Веприцкий, времени не осталось...» Я пытаюсь взять себя в руки. Хватаюсь за подлокотники и стараюсь выровнять дыхание. Оглядываюсь по сторонам. Темный кабинет, освещенный лишь частично настольной лампой. Непроглядная тьма за окном, задернутым плотной плюшевой шторой, подобранной в тон обивке кресел. Настежь распахнутый шкаф с подсветкой. Бутылки спиртного в ряд и блестящие прозрачные стаканы и фужеры. Снизу, из клуба, доносится музыка. Бьют басы, усиленные сабвуферами, и кажется, что вибрирует перекрытие.

«Что я здесь делаю? – в ужасе думаю я. – Когда попаду домой? – и тут же вспоминаю, что у меня и дома-то особого нет. Бабушкина однушка не в счет. Но хоть она есть. Мой еди-

ноутробный братец и его женушка не смогли дотянуть до нее руки. Бабка по отцу ненавидела мою мать и ее новую семью, вот и завещала квартиру только мне, своей единственной наследнице. – Спасибо, ба, – шепчу про себя я, понимая, что если меня сейчас убьют, то и в полицию не заявят, да и искать не станут. – А Славке твоё исчезновение только на руку», – с противной бабкиной интонацией шепчет мне внутренний голос.

– Смотри на экран, – вторгается в мои размышления суровый бас Веприцкого. – Я не понимаю, зачем ты нарываешься? Если разозлишь меня, мало не покажется... Доказать твою вину как два пальца...

– Какую еще вину? – будто шальная сова, ухаю я. Хочется добавить: «Что ты несешь?», но я прикусываю себе язык и гляжу на здоровую плазму, прикрученную к стене.

– Это твоя фотка? – кривится Вепрь. – Полагаю, вопрос риторический. Это ты, без всякого сомнения. Или у тебя есть сестра-близнец?

– Нет, – лепечу я. – Нет у меня никакой сестры, и фотка моя. Я даже помню, где ее сделали...

– Проехали, – рычит Вепрецкий. – Половина вины уже доказана, – усмехается он и щелкает мышью. На экране появляется какой-то флористический сайт. – Узнаешь?

– Нет, – тут же отказываюсь я. – Понятия не имею, что это.

– Твой сайт, красавица, – шипит мой мучитель. – Мы нашли разработчика. Он сообщил, что заказчиком была ты и расплатилась с ним полностью.

– Я? – будто раненая вскрикиваю я. – Зачем мне флористика, если я ничего не понимаю в цветах?

– Ясень пень, не понимаешь, курочка, – смеется Вепрь. – Зато точно знаешь, как разводить кроликов... Кто пойдет в полицию из-за потерянной пятерки? Ну не доставили букет? Подумаешь! Многие даже в интернете писать отзыв ленятся. Зато я подошел к делу серьезно. Мне не в падлу, поверь, – шипит он. – Мы нашли практически всех потерпевших. Не спрашивай как, не скажу. И все готовы подать заявления в полицию. Тебе, девочка, грозит реальный срок за твои махинации.

– Вы в своем уме? – скидываю я на Вепрецкого изумленный взгляд. – Какие еще букеты? Какие деньги? Выслушайте меня! – умоляя кричу в голос и снова натыкаюсь на беспощадные глаза хозяина кабинета.

– Угомонись, – рыкает Вепрь. – Мои адвокаты только и ждут свистка. Ты, видимо, прослышала, как сильно облажалась, вот и притащилась ко мне в клуб. Но просить прощения бесполезно.

– Вы меня с кем-то путаете, – тяжело вздыхаю я, пытаюсь унять дрожь.

– Нет, – крутит головой Вепрь. – Майя Белецкая, правильно?

– Ну да, – киваю я и повторяю как заведенная. – Все верно. Но меня даже в стране не было. У меня алиби!

– Не держи меня за идиота, – криво усмехается он. – Телефон твой, карта, куда перечисляли тебе бабло наивные люди, тоже твоя. Затея хорошая, – кивает он. – Только зря использовала личные данные. Оформила б карту на бомжа, а симку бы купила на радиорынке, никто бы тебя в жизни не нашел. А так... облажалась по полной, Майя!

– Моя карта? – в ужасе повторяю я. – Какая?

– А вот видишь перевод. Это мой личный. Собственно, с этого момента я поклялся найти тебя.

Я вглядываюсь в экран. Обычная банковская квитанция. Но у меня нет российских карт оплаты. Вернее, была одна, но она куда-то затерялась... Да и семь лет прошло, как я вышла замуж за Алекса Бакли и переехала к нему в Америку.

– Видишь, – раздраженно замечает Вепрь. – Триста тысяч рублей перечислено на карту некой Майи Владимировны Б.

– Я давно уже не Белецкая, – пытаюсь вразумить этого болвана я. – И карта не моя.

– Похвально, – с издевкой кивает Вепрь. – Только это все пустая болтовня. На сегодняшний день ты должна людям пятьсот тысяч и мне триста. Плюс штраф в двукратном размере и погашение всех затрат на твои поиски.

– Выходит, зная, что мне нужна помощь, Алиса меня специально заманила в ловушку, – всхлипываю я и даже не понимаю, что говорю последние слова вслух.

– Алиса? Моя Алиса? – удивляется Вепрецкий и тут же напряженно всматривается мне в лицо. – Откуда знаешь мою племянницу?

– Какая разница, – легкомысленно отмахиваюсь я. Мне и так дурдома хватает.

– Большая, – рычит не сдерживаясь Вепрь и хватает меня за руку. – Она пропала неделю назад. Подожди, – осеняет его. – Ты пришла за нее требовать выкуп? Где она? У кого? Кто стоит за тобой?

«Только обвинения в похищении людей мне еще никто не предъявил», – мысленно ужаюсь я и от отчаяния выпиваю из стакана виски. Залпом. Я прекрасно знаю, что за этим последует. Сначала рвота, потом отек Квинке.

«Аллергия на алкоголь иногда оказывается очень полезной», – только успеваю подумать я, как начинаю задыхаться.

– Скорую... – хриплю на последнем издыхании и тяжелым кулем оседаю в кресле.

– Валера, зайди, – совершенно спокойно распоряжается мой мучитель. Но это единственное, что я слышу, теряя сознание.

Я прихожу в себя в полупустой комнате. В чистой постели и с катетером в вене. Рядом с кроватью сидит пожилая женщина в белом халате и читает журнал. Бежевые стены явно не подходят на больничные, а вот капельница и катетер вроде намекают, что я в лечебном учреждении.

– Очнулась, – ворчит бабка и, подхватившись, бежит куда-то вон из комнаты. Тотчас же приходит молодой доктор в зеленой робе и с золотой оправой на переносице. Наклоняется ко мне, обдавая дорогим парфюмом, и добродушно шутит:

– Жить будете, мадам.

Он внимательно вглядывается в мое лицо, словно пытается с ходу определить уровень гемоглобина в крови и норму холестерина. И тут же, не отходя от постели, вытаскивает из кармана мягких брюк айфон последней модели и, ткнув в, видимо, часто повторяющийся номер, рапортует:

– Девушка пришла в себя, Родион Александрович.

Потом молчит в трубку, слушая хозяина жизни, и добавляет нехотя:

– Я бы не советовал. Мало ли... Во избежание рисков... Хорошо, – кивает он и, закончив разговор с Веприцким, тут же звонит кому-то еще. – Васильевна, нужно кровь взять по цито. Да, в первой палате. Только прямо сейчас. Пациентку хотят забрать...

«Как забрать? Блэд! Почему? – пытаюсь осознать я. – Я вам что? Кукла, что ли?»

Но импозантный доктор выскакивает из палаты, а сиделка вновь внимательно всматривается в фотографии звезд, плотно наклепленных на глянцевых страницах.

«Твою мать, – раздраженно фыркаю я. – Куда я попала? И куда меня увезут? – пытаюсь догадаться я и понимаю только одно: – Хотел бы Вепрь от меня избавиться, достаточно было немного подождать и не оказать помощь. Интересно, – вновь пытаюсь что-то обмозговать я. – Сколько времени я тут провалялась?» – Какой сегодня день? – спрашиваю слабым голосом у сиделки.

– Так понедельник, милая, – шепчет она. – Валерий Иванович тебя с того света вернул. А твой мужик тебя уже забрать хочет. Соскучился небось, – улыбается сиделка. – Он за эти дни прибегал несколько раз. Беспокоился. Есть, конечно, и такие, что денно и ночью у кровати сидят. Но твой, видать, человек занятой. Хоть проводывал – и на том спасибо! – шепчет

бабулька. Я всматриваюсь в доброе и открытое лицо, в лучики морщин, отходящие от глаз, и силюсь не разрыдаться.

«Мой! Не мой! Черного кобеля не отмоешь добела, – бурчу я про себя и, заслышав в коридоре шаги, перевожу взгляд на дверь. – Вепрь, твою мать! Вон прискакал кабанчиком», – зло усмехаюсь я и без утайки пялюсь на мрачное лицо Родиона Веприцкого. Вижу залегшие морщины и синяки под глазами.

«И снова седая ночь!» – проносится в голове.

– Выйди, – приказывает моей бабушке Родион и, усевшись на освободившийся стул, смотрит на меня враждебно.

– Ну ты устроила, Майя! – рычит не сдерживаясь. – Какие номера еще у тебя в запасе? Ты предупреди заранее, когда в окно выйти захочешь или снова за рюмкой потянешься...

– Я же тебе сказала, – цежу я сквозь зубы. – Я алкоголь не пью.

– А я что, в тебя вливал насильно? – особо не церемонясь, ревет он. – Хорошо, Валера в клубе был. А то бы тебя, дуру, не откачали бы. А мне жмурик в кабинете вообще без надобности. Ты специально пришла в клуб, чтобы очокуриться?

– Да, конечно, – киваю я и добавляю серьезно: – Если бы я знала, что ты умалишенный, обходила бы тебя и твой клуб стороной, – бурчу я недовольно и тут же натываюсь на разъяренный взгляд.

– Я смотрю, ты страха не ведаешь, – рыкает он. – Ну подожди, милая, – добавляет злое. – В твой счет обязательно включу пребывание в частной клинике и срочный вызов бригады.

– Ага, – злюсь я. – Материальную помощь еще не забудь!

– Кому это? – удивляется он и даже не скрывает своего изумления.

– Ну тебе, конечно, – усмехаюсь я. – Хочешь, окажу, как малоимущему?

– Ты точно чокнутая, – бурчит он. – Справка есть? Но не надейся, что тебе это поможет!

– По своему опыту судишь, – огрызаюсь я, понимая, что терять мне нечего. – Тебе вон из дурки выписали, а ты все равно жмуриков боишься...

– Идиотка, – шепчет он и, повернувшись к вошедшему в палату Валерию Ивановичу, без всяких прелюдий дает указание: – Я забираю ее с собой, Валера. Оставлять ее тут я не могу. Просто не знаю, что еще взбредет в эту светлую голову. А мне Майя Владимировна нужна живой и невредимой. Понимаешь? – добавляет, радостно улыбаясь. Ну словно молодожен хренов.

– Ну конечно, – весело соглашается Валера. – А кто будет выполнять все мои требования и назначения? Мне по дороге на работу придется к вам заезжать... Но твоя подруга пока очень слаба и ей нужен покой, – голос доктора тверд и решителен.

«Какая еще подруга?!» – хочется завизжать мне. Но строгие серые глаза смотрят на меня грозно и сурово. И я молчу.

Глава 2

– Может, она еще пару дней у нас проведет? – с сомнением интересуется Валерий Иванович. – Мало ли...

– Нет, – морщится Веприцкий. – Я ее домой заберу. А ты первые два дня заезжай, Валера.

– Договорились, – кивает доктор и уже собирается выйти из палаты, когда я понимаю, что молчать больше нельзя. Последний шанс.

– Я не хочу к тебе домой, – тихо, но отчетливо заявляю я и упрямо смотрю на Родиона.

– А кто б тебя спрашивал? – кривится он. – Прекрати со мной пререкаться, Майя.

– Отвези меня в мою квартиру, – шиплю я, но бесполезно, заботливый доктор Валера поспешил покинуть палату. Спорить с Вепрем ему не под силу. Не та весовая категория.

– Перестань ломаться, – хрипит он и как ни в чем не бывало осведомляется с притворной заботой: – Встать сможешь? Или мне тебя до машины тащить?

«Что? – пытаюсь не взорваться я. – Я тебе что? Кулек с мукой?»

– Я не хочу никуда с вами идти, – спокойно повторяю я. – Я сама смогу вызвать такси и доехать до дома. Я не ваша пленница, Родион Александрович, – стараюсь втолковать я.

– А, ну ясно, – нетерпеливо бросает он и величественно выплывает в коридор. Я пытаюсь сесть, но сильно кружится голова.

– Куда-то собралась, девонька? – бормочет моя бабулька, вновь усаживаясь на прежнее место и поднимая с пола брошенный Вепрем журнал.

– А где мои вещи? – спрашиваю я. – Сумка? Шуба?

– Не знаю, милая, – разводит руками бабулька. – Тебя к нам привезли в платypiшке и в сапожках. Я тебя в больничное передела, – бормочет старуха, – и все вещички Родиону Александровичу передала. Он так велел.

– Ну понятно, – хмыкаю я и думаю, что делать дальше. Живи я с кем-нибудь из родственников, то запросто могла бы и в ночной рубашке усестись в такси и около дома быстренько забежать в подъезд.

«Но у тебя, Маечка, – напоминаю себе, – нет ни денег, ни телефона, ни ключей от квартиры. Сумка, видимо, осталась в кабинете у Вепря, – сжимаю я челюсти и чувствую, что вот-вот готова разрыдаться от бессилия. – Блэд! Блэд! Блэд!»

– А где я вообще? – прикинувшись овечкой, спрашиваю у сиделки. – Что это за заведение? Где находится? Пешком я, конечно, не дойду. Но с обычного телефона можно позвонить брату. Пусть приедет и заберет.

– Клиника доктора Марьинского, – удивленно лопочет старуха. – Валерия Ивановича то есть. Он нарколог. Самый известный в городе. Сюда обычно из клубов народ везут. На ноги быстренько ставят. Очень удобно. И люди живы, и врачам хлеб.

– А где мы территориально? – пытаюсь выведать у бабульки страшную тайну.

– Так на Никитина, – пожимает она плечами, будто хочет сказать: «По клубам шастаешь, а где вот таких, как ты, откачивают, не знаешь!».

«На Никитина, – пытаюсь сообразить я. – Значит, рядом с «Пантерой» – самым любимым детищем Веприцкого. Нужно найти телефон и позвонить Славке. Пусть возьмет какое-нибудь Ксюхино платье и пальто в придачу», – решаю я, когда в палату возвращается Родион. Следом за ним плетется какой-то парень со свертком.

– Поедем, красotka, кататься, – ухмыляется Вепрь, а за ним подхихикивает и сиделка, ржет в голос помощник. Я поднимаю на него глаза и мотаю головой.

– Я не хочу с тобой ехать! – кричу, понимая свое бессилие. – Отвали от меня!

– Ну, ну, милая, – улыбается Родион, забирая у своего парня сверток. Встряхивает небрежно и накрывает меня огромным пледом, наверное снятым с двуспальной кровати.

– Отцепись от меня, слышишь, – пытаюсь сорвать с себя дурацкую тряпку. Брыкаюсь, кричу и стараюсь освободиться из стальных лапиц Веприцкого.

– Мне это надоело, – рассердившись, делает шаг в сторону Родион. А потом и вовсе уходит из палаты.

– Быстро ты сдался, красавчик, – шиплю я с ненавистью в голосе. Ложусь в постель и чувствую, как глаза сами закрываются от усталости. Нет сил даже подумать, что делать дальше...

– Все хорошо, – с порога заявляет Валерий Иванович. – Ты пока остаешься здесь, Майя, – весело объясняет он. – Сейчас процедуры, потом обед и тихий час, – сообщает серьезно. – А ближе к вечеру обсудим, что нам с тобой делать. Идет?

– Да, – киваю я. – Я продиктую телефон брата. Он сможет забрать меня...

– Потом, – отмахивается Марьинский. – Пока просто прошу. Будь хорошей девочкой.

Минут через пять в палату деловито входит медсестра. Из-за шапочки, скрывающей лоб, и насупленного взгляда трудно понять, сколько ей лет. Она даже симпатичной не кажется. Строгая и предельно отстраненная. Ставит мне уколы. Один в ягодницу и два в вену. Она напряженно всматривается мне в лицо. Я не сразу понимаю, что не могу на нем сфокусировать взгляд. Медсестра аккуратно укладывает меня на кровати и накрывает одеялом.

– Вот и хорошо, милая, – шепчет негромко.

Это последнее, что я слышу. И снова оказываюсь на берегу океана. Бегаю с дочкой по кромке воды, мокрая и счастливая. Алекс лежит в шезлонге и добродушно улыбается нам с Мелиссой. Я машу ему рукой, а потом беру дочку на руки и бегу к мужу. Он быстро поднимается и укрывает нас с малышкой махровым полотенцем. Я чувствую тепло и радость. А после просыпаюсь, захлебываясь от слез. Реву как от великой потери. Впрочем, так оно и есть...

Я оглядываюсь по сторонам и с ужасом понимаю, что уже нахожусь в совершенно другом месте. Лежу на широкой кровати с кожаным изголовьем. Из высокого французского окна виден край забора и лес.

«Твою мать, – шепчу я, рассердившись на Веприцкого, доктора Валеру и его медсестру. Он все-таки вывез меня из клиники. Велел ввести снотворное и, как пластмассовую куклу, вынес из клиники. – Идиотка, – злюсь на саму себя. – Размякла как дура! И так полно неприятностей, еще угодила в историю с Вепрем! Не нужно было к нему вообще обращаться, – вздыхаю тяжело и от отчаяния валюсь обратно в постель. – Если не он, то кто тогда поможет?!» – реву белугой, утыкаясь носом в подушки.

– Если тренируешься, чтобы меня разжалобить, – слышу я недовольный голос. – То зря стараешься.

От неожиданности я подпрыгиваю на постели и снова натыкаюсь на ледяные глаза Вепря.

– Слезами взять многие пытались, – усмехается он, садясь в изножье кровати, и заявляет не терпящим возражения голосом: – Ты – моя гостья, дорогая. Чувствуй себя как дома.

Что это? Неприкрытый сарказм или откровенная издевка?

– Так нуждаешься в обществе? – хмыкаю я, понимая, что мне обязательно нужно разжалобить эту зверюгу и все-таки договориться с ним.

«Кроме него помочь некому», – тяжело вздыхаю я и замираю на месте, чувствуя, как ладонь Веприцкого нежно касается моей ступни.

«Твою мать! – про себя вою я. – Только этого мне и не хватало!»

И осторожно убираю ногу. Но цепкие пальцы моего противника смыкаются вокруг моей щиколотки и чуть тянут на себя, совершенно не больно, но властно.

– Не рыпайся, – криво усмехается он, – а то трахну и разрешения не спрошу.

«Кажется, в переводе на русский это называется изнасилованием», – замечаю я про себя и чувствую нарастающую дрожь во всем теле. Нет. Не страсть меня захлестывает, а дикий страх. Я боюсь пошевелиться, прекрасно понимая, что на мне кроме больничной ночнушки ничего нет. А сам Веприцкий в спортивных штанах и белой майке лежит у меня в ногах, и

одно мое неверное движение или слово, он может запросто их раздвинуть... Я отгоняю от себя крамольные мысли и, приподнявшись на локте, переспрашиваю как дурочка:

– Гостья?

– Да, – серьезно кивает он. – Мне дешевле держать тебя здесь, чем потом искать по всему городу. Опять исчезнешь куда-нибудь. А мне людям плати за дурную работу.

– Зачем я тебе? – спрашиваю предельно серьезно.

– Хочу разобраться, – бурчит он. – У меня пазлы в башке не складываются, – сообщает он недовольно.

«Ну конечно, – хмыкаю я мысленно. – В голове фигурно нарезанные картонки? Заметно!»

– Что ты хочешь выяснить? – осведомляюсь спокойно, насколько это возможно.

– Я поручил провести дополнительное расследование. Пока не получу интересующие меня сведения, останешься здесь.

– С чего бы? – фыркаю я, натягивая одеяло на груди.

– У тебя два варианта, моя прелесть, – сердится он. – Компенсируешь людям все убытки или ждешь, пока я полностью разберусь в этой мутной истории. Ты так верещала в клубе, что даже я засомневался в своей правоте. Поэтому сидишь тут и не свистишь, поняла? В доме прислуга, – раздраженно бросает он. – Комнаты убираются, в холодильнике полно еды. Что-то понадобится, можешь попросить.

– И сколько мне тут находиться? – с вызовом шиплю я. – У меня вообще-то своя жизнь, Родион Александрович, – ехидно замечаю я. – Ваши доводы засуньте себе...

– Куда именно? – саркастически хмыкает он, и одна бровь поднимается кверху.

«Джентльмен, твою мать, – мысленно охаю я. – Монокль только где?»

– Твое положение и так весьма шаткое, – криво усмехается Веприцкий. – Я бы не советовал усугублять.

И снова проводит пальцем по моей ступне. Нежно и очень бережно. Такое поведение совершенно не вяжется с его тоном. Агрессивным и чуть снисходительным. Вдобавок на мне нет трусов, что тоже не прибавляет уверенности.

– Отпусти, – прошу я, пытаюсь вытащить ногу из его цепких лап.

– Подумай, что тебе нужно. Я отдам распоряжение, – усмехается он, снова оглаживая мою щиколотку.

– Мне нужна моя одежда и моя сумка, – нервно требую я. – Домашняя обувь и, может быть, спортивный костюм. Давай я съезжу домой, возьму необходимое, – предлагаю я примирительно, в глубине души лелея надежду удрать или вызвать полицию. – И верни мне мой айфон, пожалуйста, – добавляю тихо. – Мне срочно нужно позвонить...

– Ага, сейчас, – ухмыляется Вепрь. И я вижу, как на надменное и властное лицо ложится тень. – Не зарывайся, милая, – рычит он, поднимаясь. – Шмотки тебе принесут, сумку тоже. А вот про телефон забудь. Мне только твоих спасителей здесь не хватало.

– Клянусь, – шепчу я. – Верни телефон. Мне нужно быть все время на связи. У меня дочка маленькая, – уже реву я. – Если я не отвечу, она решит, что я ее бросила...

– Где она? – замирает на месте мой похититель. – Говори адрес, мы заберем.

И тут я впервые в жизни радуюсь, что Мелисса осталась в Америке. А с другой стороны, будь она со мной, моя девочка, мне бы не пришлось обращаться к Вепрю за помощью и сейчас пререкаться тоже не пришлось бы.

– Она живет в Бостоне со своим отцом, – чуть слышно лепечу я сквозь слезы. – Пожалуйста, не лишай меня единственной радости. Прошу, – реву я.

– Хорошая мамочка, да? – фыркает он и, задумавшись, смотрит в окно. Там на улице, оставляя косые капли на стекле, льет ливень.

Мне нестерпимо больно от слов Родиона. Но ничего не поделаешь... Да и делиться сокровенным не настало время.

«И настанет ли? – горько усмехаюсь я. – Выйду ли я живой из этого дома? Или меня вынесут вперед ногами и закопают где-нибудь под елкой? Тогда и говорить о своих проблемах нет смысла. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас», – напоминаю я самой себе Правило Миранды и лихорадочно подыскиваю новые доводы для своего похитителя.

– Хорошо, – лениво сообщает он. – Я выдам тебе смартфон без симки. По всему дому вай-фай. Социальные сети заблокированы в принципе. Скайпом разрешу пользоваться только для разговоров с ребенком. Остальные мой сисадмин заблокирует. Идет? – бурчит уже у самой двери.

– Да, конечно, – сквозь слезы соглашаюсь я. Главное – Мелисса. Ну и выйти живой отсюда.

– Договорились, – скупно кивает Вепрь. – Телефон завтра, все остальное сегодня, – бурчит нехотя. – Надумаешь сознаться, скажи прислуге. Со мной свяжутся.

– А ты... то есть вы? – выдыхаю я, не в силах скрыть любопытство.

– У меня дела, – с кривой ухмылкой сообщает он. – А ты хочешь, чтобы я остался? – смеется хрипло и, прислонившись плечом к косяку двери, оглядывает меня жадным взглядом. – Но ты же понимаешь, девочка, – бросает нехотя, будто не слова выговаривает, а сплевывает. – Если я останусь, то не дам тебе уснуть. Хочешь?

– Нет, – как заведенная мотаю головой.

– Я тоже, – фыркает он. – Валера велел соблюдать предписания. Ешь, спи. Ну и молись. А вдруг поможет... – морщится он и быстро выходит из спальни.

«Тоже мне царь горы, – всхлипываю я, утыкаясь носом в подушку. – Подумаешь, герой... Хотя, – шепчет мне внутренний голос. – Если бы он на тебя запал, Майка, то и помог бы обязательно. Не факт, – отмахиваюсь я от самой себя. – Запала может только на трах хватить. Лучше заплатить, чем отдаться», – бурчу мысленно и прислушиваюсь. Где-то вдалеке хлопают двери, слышится шум двигателя, кто-то бьет по газам, и какая-то неведомая машина срывается с места.

– Идиот, – шепчу я, с трудом поднимаясь с кровати. Подхожу к окну и, не ожидая подвоха, отдергиваю занавеску из тонкого тюля. И сразу натыкаюсь взглядом на суровое лицо Вепря, на злющие синие чуть прищуренные глаза.

Сзади слышится шорох шагов, и я поворачиваюсь как ужаленная, лишь мельком успеваю увидеть и осознать, что мой похититель смеется.

– Родион Александрович велел передать, – смущаясь говорит крепкая коротко стриженная девица в джинсах и форменной майке «Пантеры». Она протягивает мне допотопный смартфон. Ни разу не яблоко. Телефон начинает тут же звенеть как припадный.

– Да, алло, – мямлю я, прекрасно понимая, кто именно мне звонит.

– Валера велел тебе лежать, – гневно рычит Веприцкий. – А ты уже шастаешь...

– Так что же, – инстинктивно парирую я, поворачиваясь обратно к окну. Пристально гляжу на своего тюремщика. – Мне теперь и в окно выглянуть нельзя?

– Смотри на здоровье, – хмыкает он в трубку и, махнув рукой, идет прочь. Зычно свистит, и к нему, как по команде, подбегают два высоких черных пса.

«И не сбежишь», – мысленно вздыхаю я, возвращаясь в кровать. И тут же вижу брошенную на стул сумку. Мою собственную. Слышу, как в ванной льется вода. Заглядываю туда осторожно. Девушка в майке «Пантеры» протирает кафель и раковину. Оборачивается на взгляд.

– Меня Оля зовут, Майя Владимировна. Если что-то понадобится, обращайтесь.

– Родион Александрович что-то говорил по поводу одежды, – слабо намекаю я.

– Так Марина уже в город поехала. Завтра утром привезет. Не волнуйтесь, Майя Владимировна. Лучше скажите, что вам поесть принести, – улыбается Оля. – Сегодня вам, конечно,

в ночнушке ходить по дому не надо. А завтра, как вещи привезут, спускайтесь на кухню. Там у шефа деликатесов полно. Вам, как гостье, разрешено его холодильником пользоваться...

– Какие мы щедрые, – фыркаю я, укладываясь в постель вместе с сумкой. – Лучше бы ты меня домой отпустил, Родя, – шепчу под нос и прижимаю к себе ту единственную вещь, что принадлежит лично мне. Потом осторожно лезу внутрь, втайне надеясь, что мой айфон все-таки на месте. Но увы. Я с ужасом осознаю, что чьи-то чужие руки копались в моих вещах. Перебирали содержимое косметички, разглядывали паспорт.

«Телефон мне нужен, – ворчу я. – Там фотографии Мелиссы и мои заметки. Те самые, что я по крохам собирала, пытаюсь связать концы с концами. Только с их помощью я могу найти управу на Алекса и забрать у него дочку!»

Я стараюсь не думать. Боюсь сорваться и еще больше навредить себе. Почему я вбила в свою пустую башку, что помочь мне может только Веприцкий? Зачем вообще вернулась в Россию? На том же Брайтоне найти человека, подобного Вепрю, не составило бы труда.

«Кому ты врешь, – натужно вздыхаю я. – Ты бы оттуда живой точно не выбралась. И местные воротилы обязательно бы навели сведения об Алексе. А узнав, с кем имеют дело, сдали бы меня с потрохами. Да еще Алиса прожужжала все уши, что кроме ее дорогого Родечки никто мне помочь не в силах. А сама сбежала с Павликом, зараза. Да еще велела молчать».

Трясущимися руками я снова беру трубку. Пролистываю список контактов. Видимо, тот, кто составлял их для меня, любит черный юмор.

«Марина», «Ольга», «Алиса» и «Я» значатся в записной книжке. Ну кто такой я с большой буквы, мне известно. Ольга и Марина – помощницы по дому. А вот Алиса наверняка тут оставлена специально. Проверить, точно ли мы знакомы, заодно и вывести на след непокорной племянницы и ее простоватого бойфренда.

– Алиса, – шепчу я в трубку, как только мне ответили.

– Майка, ты? – возбужденно кричит моя подружка. – Где тебя носит, а? Я тебе звоню, звоню...

– Твой родственник... Этот живодер... Запер меня, – сиплю я чуть слышно. – Обвинил меня во всякой фигне и запер...

– Где? – удивляется Алиса. – В «Пантере»?

– Нет, – цыкаю я. – В каком-то загородном доме. Тут...

– Ну мать, поздравляю! – поет довольная подружка. – Ты произвела впечатление на моего дядюшку. К нему в Плуталово мало кто допущен. Что бы ни надумал наш повелитель, ты в шоколаде... И пока он думает о тебе, есть вероятность, что меня оставит в покое...

– Ты... – пытаюсь сдержаться я. – Мне нужно забрать Мелиссу у Алекса. Как ты не понимаешь? Я могу не успеть! – Родик тебе поможет, – хмыкает вероломная подруга. – Очаруй его, что ли...

– Перестань, – вздыхаю я. – Он вешает на меня какие-то долги и требует их уплаты. У меня таких денег нет. Вернее, есть, но это для дочки. Если твой родственник их у меня отберет, то я никогда не увижу Мелиссу.

– Не ной, – предупреждает Алиса. – Я скоро приеду и с ним поговорю. Какие еще долги? Он с дуба там рухнул?

– Не знаю, – усмехаюсь я. – Зря я вернулась... Может, стоило согласиться на условия Алекса?

– С ума сошла, – фыркает подружка и быстро попрощается.

Немигающим взглядом я смотрю за окно, где уже сгущаются сумерки. Еще один день прошел впустую. Мне ничего не остается, как закрыть глаза и молиться. Надеяться, что чудовищная ошибка скоро разрешится и мне удастся спокойно поговорить с Вепрем. Убедить его выкрасть мою дочку с другого континента.

Глава 3

Родион

– У меня дела, – с кривой ухмылкой сообщаю я. – А ты хочешь, чтобы я остался? – смеюсь хрипло и, прислонившись плечом к косяку двери, рассматриваю девицу жадным взглядом. – Если я останусь, то не дам тебе уснуть, – предупреждаю или все-таки угрожаю я.

– Нет, – пугается она, растерявшись.

– Я тоже, – фыркаю я. – Валера велел соблюдать предписания. Ешь, спи. Ну и молись. А вдруг поможет... – ухмыляюсь скривившись и быстро выхожу из спальни.

У меня нет иллюзий относительно этой бабы. Они все одинаковые. Смазливые и уродины. Состоявшиеся в бизнесе и охотницы за скальпами богатых мужиков. «У них у всех одна задача, – хмыкаю я себе под нос. – Забраться на голову, усесться там поудобней и, махая ногами, с утра до ночи жрать мозг маленькой кофейной ложечкой. Можно с мороженым, можно с мартини. Пить кровь и драть последние волосы на черепушке, дабы в случае чего сразу добраться до скальпа. А нам, мужикам, только и остается, как подстраиваться и терпеть. Ты же ее сам выбрал, твою мать!»

Я устало тру глаза, и, естественно, мои мысли плавно перетекают на Яну. Единственную и неповторимую. Я снова оказываюсь в зале прощаний местного кладбища. Смотрю на маленькую худенькую женщину-девочку, что лежит в гробе на постаменте. И понимаю, что жизнь моя закончилась. Ни одну другую женщину я не впущу в свое сердце, ни по какой другой не стану убиваться и рисковать жизнью. Страшная и нелепая болезнь превратила мою любимую в крошечную старушку. Стерла с ее лица все краски, оставив лишь восковую бледность и покой. Я вспоминаю, как, поцеловав жену в холодный лоб, оглядываюсь по сторонам. Вижу охапки цветов, слышу плач родственников, но никак не могу найти те самые десять корзин с тюльпанами и ландышами, что заказал накануне в небольшой флористической компании. Ей-богу, за день до похорон я был невменяем. Я маялся, не зная, чем заняться, и гнал от себя страхи. Я, здоровый и крепкий мужик, известный своим жестким характером, боялся признаться, что не смею даже подумать, как дальше жить без Яночки. Вот тогда-то в моей пустой башке и родилась абсолютно фантастическая идея. Подарить жене в последний раз ее любимые цветы. Тюльпаны и ландыши. Все известные в городе магазины отказались исполнять такой заказ. Сейчас, конечно, в любое время года можно купить понравившиеся цветы, но именно тогда, в конце ноября, ландышей в городе не оказалось, да и нужных ярко-красных тюльпанов тоже.

– Нет завоза, – признались мне знакомые флористы. Но я не унимался. Все искал что-то в интернете и как дурак надеялся на чудо. И оно произошло. На каком-то сайте мне удалось заказать для жены цветы. И когда через пять минут мне перезвонила деловая девица, я поинтересовался небрежно о сроках доставки.

– Завтра, в одиннадцать часов мы доставим заказ, – заверила она и что-то объяснила про надбавку за срочность. В тот момент мне было плевать. Я даже не дал себе труда подумать, что если у Тофика и Гоги, монополизировавших цветочный рынок в нашем городе, нет этих проклятых ландышей, то откуда они возьмутся в странной лавке под названием «Бель Вью»? Я перечислил деньги на карту некоей Майе Белецкой, достал из бара новую бутылку виски и до следующего утра напрочь забыл о заказе. Только у самого гроба всполошился. Ни одного цветка от «Бель Вью» в зале прощаний не было. Эта гадина забрала мои деньги и пропала. Но она просто не знала, с кем связалась. Мне потребовалось немало времени и сил, чтобы вычислить эту дрянь. Но все бесполезно. Мошенница Майя Белецкая как сквозь землю провалилась.

Нет, она оплачивала какие-то счета через банк, снова дурила глупцов вроде меня, но поймать ее моим людям так и не удалось, пока эта стерва сама не пришла ко мне в клуб и не потребовала встречи. Наглая дрянь! Она еще пыталась обвести меня вокруг пальца. Прикинулась овцой! Теперь, когда злость немного поутихла, я собираюсь забрать у нее мои деньги. С процентами, конечно. Может быть, покувыркаюсь с ней в койке. Почувствую уму-разуму. Я моментально представляю мягкую податливую девчонку, стонущую в моих объятиях. Снова чувствую, как мои пальцы скользят по ее ступне. Обводят ненароком гладкую розовую пяточку, бегут по высокому, будто у балерины, подъему. И ощущаю шевеление в штанах.

«Прекрасно, просто прекрасно! – злюсь я на самого себя. – Мне только не хватает приехать в клуб с гранатометом на изготовку! Вот народ порадует!»

Откинув затылок на подголовник, я делаю глубокий вдох, лениво всматриваюсь в мелькающие за окном Рэнджа деревья и огни близлежащих поселков. Еще немного, и окрестности накроет непроглядная тьма, рассекаемая всполохами горящих фар пронесшихся мимо машин. Я тут редко катаюсь днем. Еду в клуб вечером и под утро возвращаюсь домой. Сегодня впервые за много месяцев мне не думается о работе. Честно говоря, хочется, чтобы строптивая Майя оказалась сейчас рядом со мной в машине. Я бы разложил ее на сидении, стянул трусики. Неожиданно меня осеняет, что я слишком много думаю об этой женщине. Мечтаю!

«Пересплю пару раз, и все пройдет», – мысленно отмахиваюсь я, понимая, что по-другому и быть не может. Со дня смерти жены через мою постель прошли десятки баб, но ни одна из них не зацепила, не заставила колотиться сердце. Там по-прежнему властвует Яна. И ее спальня в нашем доме так и оставалась нетронутой, будто моя жена вышла ненадолго и вот-вот вернется. В одной из дальних комнат дома я даже соорудил алтарь. Зажигаю свечи и сижу, глядя на портреты. Это моя маленькая тайна. Моя незаживающая, вечно саднящая рана. А для кого-то смех. Жесткий и кровавый Вепрь проливает слезы над портретами жены. Знаю, что мужики не плачут. Я тоже не реву. Просто смотрю в блеклом свете свечи на жену. Разговариваю с ней. Я запретил близким разбирать Янины комнаты. Раздать ее шмотки? Да никогда! Каждая вещь до сих пор таит в себе запах моей любимой. Нет, с горем я давно справился. Просто скучаю.

Я достаю из кармана сотовый и нетерпеливо нажимаю на кнопку.

– Привет, Сань, – говорю я сыну и слышу в ответ чуть ломающийся голос. – Как делишки?

– Да все нормально, пап, – хмыкает сын, и я понимаю, что возникла проблема.

– Что-то случилось, малыш? – интересуюсь я, всматриваясь в огни города. Нарядные улицы и проспекты, по которым несется Рэндж.

– Забери меня отсюда, а? – с места в карьер бухает сын. – Мне надоел этот дурацкий Лондон. Я хочу вернуться домой. Жить с тобой...

– Понимаешь, – сиплю я, догадываясь, что гложет сына. Ностальгия, твою мать! Желание общаться с близкими по духу людьми, а не с заносчивыми англичанами. – Сейчас трудное время, Сань, – объясняю я. – Доучись семестр, и заберу. Сам понимаешь, бабки нам никто не вернет. Да и тебе не придется заново сидеть в одном и том же классе.

Последний довод кажется моему сыну самым убедительным. Остаться на второй год? Да кому это надо!

– А ты правда меня заберешь? – уточняет мой взрослый ребенок, явно чувствуя подвох.

– Да, – слабо усмехаюсь я. – Обязательно...

– Папа, – скулит Санька. – А у тебя никого нет? Ну в смысле... ну вместо мамы, – пытается подобрать он слова.

– Нет, сынок, – спокойно заверяю я. – Трудно найти женщину, похожую на нашу маму. Да я и не ищу.

– Тогда ладно, – восклицает сын. – А я тут подумал, что не нужен тебе...

– Саня, – рычу я в трубку. – Кто тебе такую глупость сказал? Бабушка Вера или тетя Света?

Мать и сестра Яны. Мои вечные враги. Люди, уговорившие жену пойти к бабкам. Она, конечно, потом обратилась к врачам. Но время, такое дорогое и ценное, было уже упущено. Я терпеть не могу их, они платят мне взаимностью. После похорон я видел их от силы раз или два. И стараюсь за версту обходить этих змей. Вот только сыну моему повезло меньше.

– Мы с бабой Верой по скайпу вчера говорили, – мычит ребенок. – Она сказала, что тебе давно пора жениться и завести семью... А я, когда вернусь, стану жить с ней и дедом Витей, – тянет жалостливо Санька, и я решаю, закончив разговор, заехать к бывшим тестю и теще и задать жару.

– Нет, – пресекаю я недовольное сопение сына. – Ты живешь со мной. Всегда. Понял? – отрезаю я. – Ну до тех пор, пока сам не надумаешь съехать, – усмехаюсь я. – Жениться я не намерен, а дом у нас большой. Нам с тобой места хватит.

– Да, – довольно восклицает Санька. – А как там Лайма и Трой? Щенки скоро родятся?

– Вроде как через месяц, – улыбаюсь я. – Ты приедешь на каникулы, увидишь, – радостно заявляю я. – Лайма уже с трудом бегают. А Трой от нее не хочет далеко отбегает. Ходил с ними сегодня в лес. Бредут как пенсионеры, – фыркаю я и внезапно вспоминаю, как вот так же неспешно гулял по аллеям парка с Яной, когда она ждала Саньку. На месяц или два я забросил все свои дела, лишь изредка вырываясь в офис, и целыми днями находился рядом с женой. Помогал ей встать, растирал ноги...

«Ептиль, – мысленно злюсь я, когда перед глазами вместо отекавших ног Яны предстают тонкие щиколотки Майи Белецкой. – Хрен, чешуя, лютики-цветочки! Хватит уже думать об этой стерве. Околдовала она меня, что ли?»

Поговорив с сыном, я сразу тыкаю в контакт начальника службы безопасности.

– Ну что там, Олег Витальевич? Нашли компромат на нашу гостью? – рыкаю в трубку.

– Факты подтвердились, – рапортует он. – Еще раз все перепроверили.

– Молодцы, – киваю я. – Придется дамочке к основным выплатам впаять штраф, – грозно заверяю я и чувствую. Опять чувствую, как кое-кто поднимает голову... Твою мать!

– Что там с участком на Брусиловском? – вяло интересуюсь я, стараясь отвлечься. – Ты следишь по госреестру? Маргарита Семеновна его еще не продала?

– Нет, – блеет мой безопасник, и я сразу понимаю, что не следит и ничего не знает. Блин! Все нужно проверять! Даже если платишь сумасшедшие бабки, никто не почешется!

– Я тебя понял, – злюсь я и добавляю недобро: – Коров пасти отправлю, Олежка!

И уже приехав в клуб, понимаю, что могу облажаться по полной программе. И тогда мой бывший друг и нынешний конкурент Юрка Феднищев меня точно обскочит на повороте. А этого допустить нельзя.

Участок вдоль Брусиловского проспекта я присмотрел два года назад. Но профессор Канский и его супруга наотрез отказались его продавать. А вот недавно профессор умер, и его вдова Маргарита Семеновна сама позвонила мне. Но о сделке случайно узнал Феднищев. И назло мне удвоил цену. Сам участок ему был ни к чему. Разве что меня позлить. И если до этого нас с Юркой связывала многолетняя дружба, то сейчас я обиделся. Какого вообще! Фигнищев попытался мне что-то объяснить... А я послал... Маргариту Семеновну тоже, и только потом сообразил, как мне выгодно купить эту землю. Даже сносить дом не придется. Солидный трехэтажный особняк с колоннами идеально подходил под офис. А на остальных десяти сотках, тянувшихся вдоль самой напряженной магистрали города, следовало давным-давно построить торговый центр.

Скосив глаза на Улисс Нардин Хан с золотыми фигурками вместо циферблата, я понимаю, что времени остается мало. Нормальные люди после девяти вечера не звонят. Это у при-

дурков вроде меня рабочий день только начинается, а нормальные люди моют ноги и ложатся спать.

– Маргарита Семеновна, – радостно вещаю я разговор. – Как вы поживаете? Что-то я соскучился по нашим беседам...

– Все хорошо, Родион Александрович, – добродушно замечает она. – Я вас вспоминала недавно. Ко мне давеча заезжал Юрий Петрович...

– А-а, Фигнищев, – хохочу я.

– По-моему, – бормочет профессорша, – его фамилия звучит как-то иначе.

И мне кажется, что я вижу ее улыбку. Маленькая сухонькая старушка тихо посмеивается над играми молодых лбов, и ей эта сопричастность немножко, но продлевает годы.

– Не-не-не, – фыркаю я. – Все правильно! Проверочное слово – «фигня»!

– Какая разница, – хихикает она. – Я его фамилию нигде писать не собираюсь. А вы, Родион Александрович, если сейчас не очень заняты, приезжайте ко мне. Чаю попьем. Моя дочка пекла сегодня пироги. А это, я вам доложу, настоящее произведение искусства. Во рту тают. Доставьте мне удовольствие угостить вас.

– Конечно, – тут же заверяю я и, накинув куртку, опрометью слетаю по лестнице вниз. Народу в клубе немного. Еще слишком рано. Но у барной стойки уже толпятся дамочки и их кавалеры. Да и пара девиц версии лайт манерно сидят нога за ногу.

– Люк, – тихо зову я своего помощника, точащего ляды с одним из охранников.

Здоровый шкафообразный парень, мой личный телохранитель, вздрагивает от неожиданности.

– Твоим голосом, Вепрь, только детей в яслях пугать, – ржет он.

– Меня дети не боятся, – хмыкаю я. – А остальным по статусу положено.

– Ну да, ну да, – сопит он, забираясь на место водителя. Мыслительный процесс – не самая сильная сторона моего оруженосца, а вот в бою ему нет равных. Что в рукопашном бою, что в стрельбе. Я даже не могу припомнить, когда бы Люк промазал. Кое-кто пытался его перекупить. Тот же Фигнищев, но Люк верен мне. И точно знаю, что он всегда прикроет мне спину. А я ему. Было. Проходили...

– Где горит? – усмехается он, выезжая с парковки.

– Едем к Маргарите Семеновне, – бурчу я. – Срочное дело...

– Продает, что ли? – восхищенно фыркает Люк. – Да иди ты!

– Ну не знаю, – скривив губы в ухмылке, бросаю я. – Она меня на пирожки позвала. Вдумайся, как звучит: «Доставьте мне удовольствие угостить вас»!

– Значит, мне ничего не перепадет, – печально констатирует факт мой помощник. – Вдумайся, Вепрь. Вот только представь. Ты там будешь пирожки трескать и компотом запивать. А я тут на морозе в жестянке...

– Рэнджи не обижай, – бурчу я строго. – А то она тебя катать не захочет.

– Это точно, – печально вздыхает Люк. – Я недавно Приору рассказывал, как прикольно прокатиться на Порше, так наша мадама зафыркала... Хичкоку бы написать.

– Он давно умер, – сообщаю я.

– Да ты что? – изумляется Люк. – А я не знал...

Мы подъезжаем к высотке, расположенной на Гоголевском бульваре. Раньше этот дом и все окрестные именовали «дворянским гнездом». Квартиры улучшенной планировки, санузелы как вся родительская квартира в хрущевке. Ну и конечно, консьержка на входе. Я киваю ей как старой знакомой и в дребезжащем лифте, отделанном красным деревом, поднимаюсь на шестой этаж. Маргарита Семеновна уже ждет меня у открытой двери. Ласково чмокает в щеку и приглашает в зал.

– Не разувайтесь, – щебечет он. – Право, не стоит. Вот придумали обувь снимать! Нигде в мире такого нет...

– Грязи и снега тоже, – улыбаюсь я и, поддавшись на уговоры хозяйки, прохожу в комнату. Там уже накрыт стол. Пирожки, какие-то немудреные закуски и варенье, прозрачно-розовое.

– Красная смородина, – сообщает Маргарита Семеновна и чинно усаживается рядом.

Мы пьем чай, болтаем о пустяках, и я никак не могу взять в толк, ради чего весь этот карнавал.

– Маргарита Семеновна, – улыбаюсь я, беря с блюда один пирожок. – Я когда маленький был, мне мама всегда из гостей приносила что-то вкусное. Там в машине сидит мой друг Петя Бессонов. Я ему пирожок от вас передам, можно? – вопрошаю я, заворачивая сдобу в салфетку и тем самым давая понять, что хочу попроситься.

– Родион Александрович, – вздыхает Марго и выжидательно на меня смотрит выцветшими голубыми глазами. – Все-то вы понимаете, – улыбается она и тут же переходит к делу: – Моя дочка – не та, что печет пирожки, – другая, она живет с мужем в Сочи и хочет забрать меня к себе. И честно говоря, это мое самое большое желание. Я всегда мечтала там жить. Недалеко от Морского вокзала, и чтоб море видеть из окна. И как вы понимаете, мой дорогой, я уже дала согласие. Юленька приедет за мной в следующем месяце, и я хочу к этому времени уладить все свои дела. Продать участок и завещать эту квартиру старшей дочери. Младшей достанутся деньги, вырученные за землю на Брусиловском. Конечно, нам бы хотелось продать его подороже. Да и место замечательное. Самый центр города плюс отличный дом на территории.

– Я знаю, – улыбаюсь я и все никак не пойму, куда клонит старуха.

– Альберт Иванович, – вздыхает Маргарита Семеновна, смахивая несуществующую слезу, – всегда хотел, чтобы на этом месте разбили парк. Там бы играли детишки...

– Я собирался построить торговый центр с детскими площадками и аттракционами, – тихо напоминаю я. – А Фигнищев, если доберется до ваших угодий, устроит там закрытый клуб с банями и казино...

– Да, – кивает она. – Вы мне говорили о его планах. Хотя сам Юрий Петрович все отрицает... Но вам-то зачем врать?

«Действительно! – хочется заорать мне. – Зачем? Только бы не дать этой сволочи Днищу захватить мою землю, и мне плевать, что именно он там хочет возвести. Но, наверное, Фигня собирается его перепродать... Кому? Кому? Мне!»

Я терпеливо жду. Рассматриваю хрустальную люстру, перевожу взгляд на зеркальную итальянскую горку и мягкую велюровую мебель. Все явно не новое, но профессура, вероятно, имела хороший вкус. К тряпкам, недвижимости и к жизни.

– Так вот, – снова вздыхает Маргарита. – Я решила подойти к вопросу иначе. Каждый человек живет в социуме. Семья, друзья, близкие... У Юрия Петровича жена и две любовницы. От одной, кажется, ребенок имеется. Для меня жизнь на две семьи невыносима. Да и сам человек, допустивший такое коварство, тоже с двойным дном. И он может мне пообещать, что на всей территории устроит церковно-приходскую школу, но в ваш вариант мне верится больше. И вы сами больше нравитесь, Родион Александрович, – бормочет старуха. – Вот если бы у вас была полная семья... Я знаю о постигшей вас утрате. Но годы-то идут. Человек без семьи – как сухостой. Сегодня стоит, а завтра и сломался... Вы понимаете, о чем я? Я ни в коем случае не принуждаю вас жениться на ком попало... Но если у вас есть кто-то на примете, порауйте старуху, сводите девушку в ЗАГС.

«Ничего себе! – мысленно охаю я. – Вот так поворот! Еперный сарай!»

– То есть, – со светской улыбкой уточняю я. – Если бы я женился, сделка бы состоялась? Я вас правильно понял, Маргарита Семеновна?

Старушка смотрит на меня своими выцветшими гляделками и радостно кивает головой.

– Ни на минуту бы не задумалась, Родион Александрович!

– Хмм... – пытаюсь совладать с собой я. И мне кажется, что от напора роящихся мыслей на голове поднимаются волосы. Я предательски провожу рукой по короткому ежику.

«Ептиль, – рычу я про себя. – Думай, Родя, твою налево. Бабка все равно продаст участок. Ты бы его купил и по двойной цене, лишь бы обскакать Феднищева. Но и этот вариант замечательный. Жениться можно на ком угодно, – думаю я азартно. – Маргарита свалит в свой Сочельник, и ты сразу же разведешься. Делов-то!»

– Ну что ж, – улыбаюсь я как мальчик-идиот и торжественно заявляю: – Доставайте самое красивое платье, Маргарита Семеновна. Записывайтесь к парикмахеру. Думаю, на эти выходные мы отгуляем свадьбу и сразу оформим сделку. Вас устраивает?

– Конечно, – заламывает руки старуха и смотрит на меня умильными глазами. – Как же я рада, Родион Александрович! Я бы вам продала без всяких сложностей. Но Альбертик мой терпеть не мог двоеженцев и всегда считал неженатых мужчин ненадежными. А домовладение наше хочется передать в надежные руки...

– Я с вами полностью согласен, – киваю я. А спускаясь в лифте, чувствую лишь одно желание. Треснуть головой о деревянную панель со всего маха или как-то умудриться и вломить хороший пендель по собственной заднице.

«Во что ты вляпался, идиот, – шепчу я сам себе. – Какая невеста? Какая свадьба?»

По скользкой плохо вычищенной дорожке я бреду к чернеющей невдалеке Рэнджи и внезапно понимаю, что дать задний ход не удастся. Участок тут же уплывет к Фигнищеву, да и сама Марго не простит мне вранья. Вот только постоянной женщины у меня нет. Есть хоровод девок, прибегающих по первому зову. Но на чем-то подобном жениться – потом хлопот не оберешься. Усевшись в машину, я протягиваю Люку завернутый в салфетку гостинец и глумливо смеюсь.

– На, малыш. Это тебе зайчик передал.

Мой верный оруженосец в два приема расправляется с пирожком и мгновенно считывает мое поганое настроение.

– Все плохо, Вепрь? – бурчит он жуя. – Что там тебе старуха наплела?

– Потом, – морщась отмахиваюсь я. – Едем на базу.

Дорогой я пытаюсь сообразить, как поступить. Сесть на елку и умудриться не поцарапаться. Жениться и остаться свободным. Кто согласится на такой вариант, только на бумаге считаться женой, а по факту быть пленницей в моем доме.

– Стоп! – ору я во всю глотку.

Люк ударяет по тормозам.

– Что стряслось, Родя? – охает не понимая.

– Поворачивай на трассу, – усмехаюсь я. – В клуб поедем завтра. А сейчас мне нужно срочно домой.

– Пирожки несвежие, да? – вздыхает он. – А я и не заметил. Ты мне тогда тоже что-нибудь от отравления выдай...

– Хорошо, – киваю я, считая, что таблетка имодиума Люку не повредит. А сам мысленно оглаживаю высокий подъем и круглую идеальную пяточку моей строптивой гостыи.

«Ты должна мне, девочка, – про себя хмыкаю я, – и оплатишь каждый украденный рубль по двойному тарифу. Плюс штраф и возмещение оплаты за два дня пребывания в клинике. Сумма набегает круглая. И если раньше я согласился бы и на деньги, то теперь мне нужна услуга, – довольно улыбаюсь я, но от мысли, что на сторону пойти не удастся, мое веселье сходит на нет. – А жена тебе на что, Родя?» – бурчу я про себя, понимая, что фиктивным росчерком поставлю сделку под угрозу.

Глава 4

Майя Я засыпаю рано. Наверное, сказывается напряжение последних дней. Мозг еще пытается осознать масштаб трагедии и придумать выход из ситуации. Но организм уже не справляется. Даже руку поднять нет сил. Я проваливаюсь в глубокий короткий сон, как будто падаю в пустой колодец.

Ни сновидений, ни тревоги. Словно отключаются батарейки. Чувствую легкость и тепло, разливающееся по всему телу. Но внезапно вынырываю на поверхность. Просыпаюсь от лязга открывающихся ворот. Слышу визг тормозов и хлопанье дверей. Кто-то резво взбегают по ступенькам.

Нетерпеливые шаги на лестнице, а затем в коридоре. Без всякого предупреждения или стука открывается дверь в спальне. Зажигается свет.

– Спишь? – удивляется Веприцкий без малейшего сожаления в голосе.

– Нет, блин, танцую, – бурчу я недовольно и подслеповато шуюсь.

– Ты мне нужна. Срочно, – сердито бросает Вепрь. И я тут же представляю себе взбешенного кабана в лесу. Страшного и опасного.

«Какого...» – хочется вскрикнуть мне, но я сдерживаюсь из последних сил.

– Что случилось? – лепечу будто маленькая девочка.

– Одевайся и приходи ко мне в кабинет. Нам предстоит серьезный разговор. Мне надоели твои аферы, – пренебрежительно сплевывает он слова, а я, застыв на месте, забываю вовремя поправить сползшее с груди одеяло. – И прикройся, что ли... – ворчит он. – Меня магарасами не проймешь...

– Голубой? – понимающе интересуюсь я, и тут же надо мной нависает темная тень, а на мои плечи обрушиваются две стальные лапищи. Трясут меня как петрушку.

– Что ты себе позволяешь? – рывкает Веприцкий. – Будь на твоём месте мужик, я бы прибил...

– Будь я мужчиной, – парирую я. – Тебе бы точно мало не показалось...

– Да что ты, – фыркает он. – Давай, девочка, покажи то многое, на что способна, – рокошет Вепрь прямо мне в ухо. – Я оценю.

Мне хочется вырваться, но сильные руки настойчиво прижимают меня к постели. Я смотрю в раздражённое лицо, вижу холодные глаза, преисполненные гневом. Внезапно ощущаю дыхание Веприцкого совсем рядом. Чувствую, как его палец скользит по моей щеке и губам.

– Твою мать, – стараюсь вырваться я. – Крышу снесло, Родя? Проваливай...

– Храбрая и очень наглая, – шипит он будто удав и тут же накрывает мои губы своими. Протискивает язык мне в рот. Одной рукой придерживает голову, а другой гладит шею и плечи. Я млею от этого нахрапистого, но сладкого поцелуя. И даже пальцы на ногах сжимаю от предвкушения. У меня давно, слишком давно не было мужчины. Вот и обрадовалась первому встречному. Ладонь Вепря скользит ниже, деловито обхватывает упругое полушарие. Я сразу прихожу в себя и пробую вырваться из объятий. Веприцкий отпускает меня усмехаясь. А я, вспыхивая, отвечаю ему звонкую пощечину.

– От души, – потирая щеку, мотает он головой. – От всего сердца, так сказать...

– Отпусти меня, идиот, – шиплю я.

– Через полчаса встречаемся у меня в кабинете. Оденься, чижик, и не опаздывай.

– Какого фиги? – как ванька-встанька усаживаюсь я на кровати. – А здесь мы не можем поговорить?

– Вполне, – ехидно усмехается Веприцкий и, вернувшись к моей кровати, начинает раздеваться. Расстегивает рубашку, а когда тянется к пряжке ремня, я не выдерживаю.

– Где твой дурацкий кабинет?! – кричу яростно. – Куда приходиться?!

– То-то же, – хмыкает он и добавляет спокойно: – Ольга тебя проводит.

И ровно через пятнадцать минут, ведомая прислугой как под конвоем, я попадаю в большую комнату, заставленную стеллажами. На каждой полке стоят красивые книги с вычурными переплетами.

«Наверное, по цвету подобрать забыли», – не без доли сарказма думаю я, а вслух замечаю:

– Все перечитал, Родион Александрович?

– Почти, – серьезно отвечает он, лениво откинувшись в широком разлапистом кресле со стаканом виски в руках. Оглядывая расположившиеся вдоль стен огромные шкафы с книгами. – Садись уже, – поморщившись, кивает на диван. – Выпивку не предлагаю, – Веприцкий демонстративно пялится на темную жидкость в своем стакане. – Если хочешь воды, скажи. Ольга принесет.

– Если помнишь, я спала, – с вызовом бросаю я, усаживаясь напротив. – Ни воды, ни еды, ничего не хотела.

– У нас проблемы, девочка, – мычит он, беззастенчиво пялясь на мою грудь, проступающую через тонкий трикотаж футболки.

– С каких это пор у нас общие дела и проблемы? – откровенно хамлю я, прекрасно понимая, что хуже уже не будет. И с нескрываемым любопытством разглядываю хозяина кабинета. Серый костюм от Бриони Вепрь сменил на потертые джинсы и мягкую белую толстовку. Только вот перстень снять забыл... Я всматриваюсь в поблескивающий в свете лампы темно-синий камень в окружении бриллиантов.

«Кольцо леди Ди, мужской вариант», – усмехаюсь я про себя.

– Зачем позвал? – спрашиваю нарочито грубо и стараюсь не смотреть на босые ноги, утопающие в длинном ворсе бежевого ковра.

– Слушай, – Веприцкий складывает губы в недовольную складку – Кончай хамить, а? Яблочный сок хочешь? Есть в баре...

– Ну плесни, если не жалко, – шиплю я, а когда полный стакан оказывается рядом со мной, делаю глоток.

– Мне нужно срочно жениться на тебе, – без всяких предисловий заявляет Вепрь. Я цепенею от ужаса. Кисло-сладкая жидкость тут же застревает поперек горла. Я закашливаюсь...

– Что? Опять? – обеспокоенно рычит Веприцкий и в полшага оказывается рядом. – Я звоню Валере...

– Просто поперхнулась, – шепчу я, отставив стакан и обхватив горло обеими руками. – Ты прикалываешься? – бормочу я, пытаюсь справиться с собой. Сейчас Родион скажет, что пошутил, и мы вместе посмеемся.

– Нет, – замечает он с горькой гримасой. – Рад бы... Но такова реальность...

– Какая, твою мать, реальность? Мы живем в разных мирах! Два мира – два кефира! – ору я. – У нас ничего нет и не может быть общего.

– Ошибаешься, – ослабившись замечает он. – Твои махинации связали нас воедино не хуже обручальных колец. Отработаешь долги и чеши на все четыре стороны, дорогая, – презрительно бросает Веприцкий. Пристально смотрит на меня, наблюдая, как я судорожными глотками допиваю дурацкий яблочный сок и тихим хорошо поставленным голосом командует: – Слушай внимательно, чижик.

Я в немом изумлении таращусь на Родиона.

– Кабан и чижик, – хмыкаю я, стараясь прийти в себя.

– Почему кабан? – удивляется он.

– Вепрь – это дикий кабан, – со знанием дела докладываю я. – Устаревшее название...

– А-а, – тянет он. – Даже не догадывался...

– Примитив, – растягиваю я губы в притворной улыбке. – Ты хоть читать-то умеешь? – усмехаюсь я, оглядывая полки с книгами.

– Да, – скалится он. – И готов с тобой поделиться весьма увлекательным чтивом, – сипит, теряя терпение. – На вот, – протягивает мне толстенькую папочку. – Ознакомься, пожалуйста. Потом продолжим. Я вижу, ты обычных слов не понимаешь. Придется перейти к угрозам.

Я судорожно пролистываю содержимое, а Веприцкий ослабившись наблюдает за мной. Ну как кот за мышью.

– У тебя особенно выбора нет, моя дорогая, – морщится он, словно ругается. – Будешь упорствовать – и захватывающую историю почитает еще и товарищ майор. Возбудит уголовное дело и закроет тебя лет так на пять...

– Ты – придурак, ты не посмеешь, – пытаюсь встать я.

– А ну, сидеть! – рявкает Веприцкий. – И молчать, – добавляет тихо. – Читай и поговорим, – бросает устало. – Откуда ты только взялась на мою голову? – поднимается он из кресла и отходит к окну. Что он там видит в непролазной тьме, я не знаю.

– Я хотела... – пытаюсь образумить дикого кабана. – Мне нужно...

– Помолчи хоть пять минут, – раздраженно бросает он, поворачиваясь. – Ты уже утомила меня.

«Конечно! – мысленно парирую я. – Это мне пришлось в голову выйти за тебя замуж! Это я ворвалась к тебе в спальню! И это я похитила тебя!»

Чтобы сдержаться, я утыкаюсь глазами в первый же лист и аж задыхаюсь от возмущения.

– Это не я! Правда! – пытаюсь объяснить. – Ты подтасовал факты...

– Да ну, – ухмыляется Веприцкий. – Мне же больше нечем заняться. Моим людям тоже. Просто, чтобы ты понимала, – возмущенно хрипит он. – Мы нашли каждого, кого ты обжулила. Некоторые дали показания. В папке все есть. Но как ты сама понимаешь, что по отдельности никто никуда не пойдет. Это ты верно рассчитала! Но со мной у тебя промашечка вышла, дорогая, – снова ухмыляется он и обшаривает меня злыми глазами. – Тут тебе в крупных размерах грозит. Не отмахивайся, детка. Придется хату продать...

Мой лоб покрывается холодной испариной. Я согласна продать квартиру и вручить деньги Вепрю. Все! До единой копейки! Но только не за мнимые махинации. Мне нужно... Но сейчас даже заикаться об этом не следует.

– Все факты подтасованы, – шепчу я, чувствуя, как по щекам текут слезы. – Я не могла, понимаешь?

– У тебя раздвоение личности? Справка имеется? – участливо интересуется Веприцкий и тут же замечает раздраженно: – Хватит ломаться, Майя! И косить под Билли Миллигана тоже. У тебя есть выбор. Ты либо расплачиваешься по счетам, либо садишься в тюрьму. Но можешь согласиться с моим предложением. Пару лет строишь из себя идеальную женушку, потом мы разведемся. Если ты не нарушишь условия контракта, я даже готов выплатить тебе небольшое вознаграждение. Так сказать, подъемные для начала честной жизни.

Я молча листаю материалы, собранные службой безопасности Вепря, и отказываюсь верить своим глазам.

«Бред какой-то, – хмыкаю я про себя. – Кто ж так подставил? Меня и в стране-то не было», – вздыхаю я тяжело и тут же цепенею от ужаса. Интернет давно стер все границы. И можно из Америки рассылать предложения купить цветочки гражданам России, СНГ и Нигерии. Так даже безопасно. Только ни в коем случае нельзя возвращаться. А я вернулась, и это единственное, что говорит о моей невиновности. Это и еще одна маленькая зацепка. Небольшое несоответствие. Но от охватившей паники я не могу связно мыслить и сразу понять, что

именно привлекло мое внимание. Я снова внимательно листаю страницы. Распечатки банковских операций, какие-то заявления, написанные от руки, приложенные чеки и фотографии.

– Наконец до тебя дошло, – радостно фыркает мой мучитель. – По лицу вижу, – довольно ухмыляется он и снова тянется к бутылке виски.

– Ты много пьешь, – бросаю я мимоходом и уже готова самой себе откусить язык.

– А тебя так волнует мое здоровье? – кривится он. – Но ты, чижик, можешь внести этот пункт в контракт, – великодушно позволяет он. – Думаю, я смогу сдержаться... – Он внимательно смотрит на меня и рычит недовольно: – Не будем терять время. У нас его не осталось.

Я пытаюсь объясниться, но Веприцкий выставляет вперед ладонь, жестом останавливая меня.

– Я сказал, достаточно, – угрожающе хрипит он. – Мне надоело с тобой пререкаться, Майя. Еще раз меня перебеешь, я вызываю полицию и сдаю тебя со всеми потрохами. Ясно?

Я киваю. Только не полиция и только не тюрьма. Оттуда я ничем не смогу помочь дочке. И квартира – мой последний шанс на успех – пойдет в оплату адвокатов и ущерба.

«Блин! Блин! Блин!» – сжимаю я кулачки, пытаюсь обуздать разгулявшуюся ярость.

– Слушаю тебя, – покорно киваю я. – Выдвигай свои условия.

– Отлично, – потирает ладони Веприцкий и строго смотрит на меня. – Предыстория очень простая. Мне продают элитный участок за полцены. При условии, что я женюсь на своей избраннице. Или земля уходит к моему конкуренту. Несколько соток в центре города. Я бы мог пережить, если б мне их отказались продать. Но если участок попадет к конкуренту, я огорчусь. Ты понимаешь? – пытается объяснить мне он.

– Не совсем, – признаюсь я. – Но это и не важно, – выдавливаю из себя жалкую улыбочку.

– Ты права, – моментально соглашается он. – Нам следует расписаться как можно быстрее. Банкет не устраиваем, – говорит он запальчиво. И я понимаю, что Вепрь все обдумал и решил заранее. – На неделю съездим в Лондон, – ворчит недовольно. – Я бы предпочел остаться дома, но мне нужно лично поговорить с сыном и познакомить вас. Там, кстати, у тебя будет свободное время. Погуляешь, посмотришь город.

– Я бывала в Лондоне, – замечаю я и спрашиваю от нечего делать: – А сколько лет твоему сыну? Он там с матерью живет?

– Моя жена умерла, – рыкает Веприцкий. – Ты специально задаешь идиотские вопросы?

– Прости, не знала, – соплю я и решаю больше не разговаривать с будущим мужем. Любое мое слово он использует против меня!

– Саше четырнадцать лет. Он уже три года как живет в Лондоне и учится там в одном из лицеев. Мы с ним, наверное, съездим в Шотландию, а ты займись чем хочешь, – отмахивается он от меня, как от надоевшей мухи.

– Хорошо, – киваю я.

«Вот бы улететь в Бостон, к Мелиссе! – проскальзывает в голове шальная мысль. – Оставить Вепря ни с чем. Да еще и женатым! О-хо-хо-щечки! Мать твою за ногу!»

– Думаю, суббота – самый подходящий день для регистрации, – лениво замечает Веприцкий. – Завтра дам залог за участок, – рассуждает он вслух. – В субботу с утра распишемся, оформим сделку, а в воскресенье днем улетим в Лондониум, а в следующие выходные вернемся. Тебя нужно приодеть, – бурчит он. – Завтра поедem по магазинам. Купим свадебное платье и кольца. Самые простые...

– Тогда тебя все засмеют, – хмыкаю я. – Подумают, что дела твои плохи...

– Хорошо, – серьезно кивает он. – Я куплю тебе дорогое кольцо. Но в контракте пропишем, что все украшения ты оставишь мне сразу после развода.

– Мне не нужны от тебя украшения, – отмахиваюсь я. – Носи на здоровье. А у меня есть свои. Надевать одолженное не в моих правилах. Люди дарят что-то в знак великой любви, как признание чувств. А так... это просто булыжники.

– Тебе виднее, – пожимает плечами Вепрь, и я замечаю, что ему стоит большого труда не поддаться на провокацию. – Да, – снова морщится он. – Постарайся держать себя в руках. Не перечь мне и обращай уважительно. Все-таки я твой любимый муж...

– Непременно, – хмыкаю я и тут же натываюсь на злой предостерегающий взгляд. – А как насчет интима? Каждый из нас предоставлен самому себе? Ты ходишь по бабам, и я могу завести мужика?

– Нет, – рычит Веприцкий. – Ты хранишь верность, моя дорогая! У нас идеальный брак, не забыла? Два года можно и потерпеть. Особенно когда грозит реальный тюремный срок.

– Хорошо, – киваю я. – Я не против. Но за это ты мне увеличишь пособие. Целибат должен оплачиваться по отдельному тарифу. Не находишь?

– Ну тогда и ты мне должна заплатить....

– Шарахайся с кем хочешь, – легко отмахиваюсь я. – Мне все равно. Ты сам заинтересован, чтобы никто ничего не узнал.

Я тяжело поднимаюсь с дивана и бреду к двери.

– Я не отпускал тебя, – недовольно сопит он вслед.

– Что-то еще? – я останавливаюсь посреди комнаты.

– Да, – кивает он. – Никто не должен знать о нашем договоре. Ни прислуга, ни родственники. Для всех ты моя любимая жена, Майя. Исключение – только мой сын.

– Хорошо, – сдержанно замечаю я. – Можно идти? – осведомляюсь с явной издевкой.

– Нет, – рычит, подпрыгивая из кресла, Веприцкий. Нависает надо мной темная тень. – Чтобы ни у кого не возникло сомнений, – басит мне прямо в ухо. – Мы с тобой спим в одной кровати, дорогая. И иногда занимаемся сексом.

Родион пытается обнять меня и поцеловать в губы. Но я предусмотрительно выставлю локоть вперед.

– Я не пью из помойного ведра. – Отпихиваю в сторону Вепря. – И не подбираю с земли окурки...

– Ты хочешь сказать... – глумливо усмехается он.

– Если тебе нужна полная иллюзия супружеских отношений, то никаких связей на стороне, – шиплю я. И самой себе напоминаю змею.

– Сможешь удовлетворить? – усмехается он хрипло, все-таки притягивая меня к груди. – Мне много нужно...

– Много – понятие растяжимое, – шучу я, пытаюсь выбраться из объятий, больше напоминающих тиски. – Для кого-то и раз в год много...

– Посмотрим, – фыркает он примирительно. – Завтра заедем к тебе на квартиру. Перевезем твои вещи. А хату можешь сдать.

– Хорошо, – киваю я. – Первая дельная мысль за весь вечер, – бросаю ехидно. Вепрь замирает на месте. Всего лишь на мгновение ослабляет хватку. Но мне достаточно, чтобы вырваться из его объятий и броситься к двери.

– Беги-беги, – несется вслед, будто негромкое эхо. – Далеко не удерешь. Чижик!

Я взлетаю вверх подобно реактивной ракете. Добегаю до своей комнаты и плюхаюсь на постель. Пытаюсь успокоиться и подумать здраво. Чем дольше я буду рядом с Вепрем, тем лучше узнаю его характер, отыщу слабые струнки и смогу убедить спасти Мелиссу. Может, за это время и найдется объяснение его странным обвинениям. Кто знает? Лишь бы остаться на свободе и не потерять контакт с дочкой. Но пока с ней Лаура, наша старая гувернантка, со связью проблем не будет. Я ежемесячно пополняю ее сим-карту, а она, уловив момент, дает свой айфон малышке. И кажется, Алекс ничего не заподозрил до сих пор.

Я улыбаюсь, вспоминая довольную мордашку дочери.

– Скоро мы, моя любимая, будем вместе, – шепчу я тихо. Затем мои мысли плавно перебегают на события завтрашнего дня: я упаковываю вещи. Достая из тайника коробку с драго-

ценностями, платья с вешалок и свитера с полок. – На небольшой чемодан наберется, – хмы-
каю я, засыпая.

Глава 5

С самого утра все идет наперекосяк. Виной тому бессонная ночь. И уже кажется, что помощи от Вепря мне не дожидаться, из его смертельных объятий не вырваться.

– Ты что такая мрачная? – лениво осведомляется он за завтраком. – У нас сегодня дел выше головы. Постарайся обойтись без фортелей.

Я кошусь на Ольгу, хлопчущую в дальнем углу столовой, и говорю с легкой усмешкой:

– Огласите весь список, пожалуйста!

Знакомая всем с детства цитата из старой комедии. Но на Вепря она действует магически. Он довольно улыбается, видимо вспомнив, как герой Смирнова хотел пойти работать куда угодно, но только не на стройку к Шурику. В этом и заключается непередаваемая прелесть общения с соотечественниками. За семь лет брака с иностранцем, довольно сносно знающим русский язык, я почувствовала пропасть непонимания на собственной шкуре и научилась ценить единомышленников. Да и само отношение Вепря, ну если отбросить в сторону его невыносимый тон, может сойти за гостеприимство. И уж точно не идет ни в какое сравнение с жизнью в особняке семейства Бакли. Мысленно я тут же оказываюсь там. Бегу сквозь череду комнат в поисках дочери. Мои сны и мечты только об этом. Я заиклилась, сама понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Истерика накатывает мощной волной, и мне кажется, я бессильна ей противостоять.

– Перестань давиться слезами, – бросает раздраженно Вепрь. – И слушай внимательно, – заявляет он, накладывая мне в тарелку оладьи и сметану.

Есть ранним утром я вообще не в состоянии, но тут киваю своему мучителю и равнодушно жую.

– Заезжаем к нотариусу и оформляем брачный контракт. Мои юристы уже все подготовили, – начинает он строго и, увидев, что Ольга идет к нам, добавляет весело: – Я хочу, чтобы твои права не пострадали, чижик. Мне важно знать, что, случись со мной какая неприятность, ты будешь обеспечена несмотря ни на что, – улыбается он мне как родной.

– Ты меня пугаешь, Роди, – томно воркую я. – Но ради твоего спокойствия я подпишу все бумажки. Хотя лично мне твое имущество нафиг не нужно...

– Я знаю, девочка, что ты не меркантильна, – усмехается Вепрь и неожиданно берет мою ладошку в свои лапищи и довольно целует ее.

«Позер, блин, – мысленно шепчу я и внезапно осознаю, что за мимолетный слюнявый поцелуй сердце совершило кульбит, а в животе проснулись несносные твари, именуемые бабочками. – И запорхали там, идиотки!»

Нет, первая идиотка – это я. Приз в студию, пожалуйста! Умудрилась так облажаться! Ранним утром я попыталась дозвониться Алисе, самым нелепым образом втянувшей меня в эту гнилую историю.

«Но и хороша, ты хороша – пеняю себе. – Почему в Америке не нашла подходящего человека? Уже бы давно выкрала Мелиссу и увезла в Россию. А у тебя хватило ума лично припереться домой. Вепрь тебе понадобился? Ну-ну. А оно видишь как обернулось!»

Я жую оладью, заботливо политую сметаной.

«Кавалер, блин, – хмыкаю про себя. – Но нужно сказать ему, чтоб больше не лез в мою тарелку...»

– Ты слушаешь меня? – осведомляется Веприцкий строго.

– Да, конечно, – киваю я, понимая, что почти ничего не слышала. Но переспрашивать не собираюсь. Тем более что права голоса тут не имею. Сам отвезет куда нужно. Сам проследит за выполнением.

– Потом можем заехать к тебе домой. Что ты там хотела взять...

– Только вещи, – воркую я. – И драгоценности в банке...

– Из-под детского питания? – презрительно морщится Веприцкий. Необходимость играть заботливого и нежного жениха отпадает. Ольга на минуту выходит из столовой.

– Нет, Роди, – как последняя дура улыбаюсь я. – Банк... Такое помещение, милый, люди хранят там денежки. А у меня ячейка... Просто зачем платить за ее аренду, если тут мои цапки будут в безопасности. Ну и дома собрать небольшой чемоданчик.

– Хорошо, любовь моя, – нежно бормочет Вепрь, и я не поворачиваясь понимаю, что Ольга снова в комнате. Но я ошибаюсь. Это Марина. Добродушная толстуха с глазами-вишнями. Она служит в доме поварихой и экономкой. А Ольга – горничной.

– Родион Александрович, – обращается она к хозяину дома. – Вы про шампанское не забудьте. Я Артему напомнила, но ему нужно выдать четкие указания, а то купит не пойми что...

– Ага, – кивает Веприцкий, – а мне потом пей всякие помои, – смеется он и внимательно смотрит на меня.

– Ты какое предпочитаешь, Маечка? Или шампанское у нас тоже под запретом?

– Любой алкоголь, – киваю я. – Лучше сок, Роди...

– Второй твой приступ я не переживу, – искренне вздыхает он. – Чуть сам не подох, – замечает скорее Марине, чем мне. – Тогда шампанское для персонала, – быстро решает Родион. – Вы же выпьете за наше здоровье? – то ли спрашивает, то ли глумится Веприцкий.

– Конечно-конечно, – заведенным болванчиком кивает Марина.

– Ящика хватит, – весело бросает он. – Майе Владимировне сок, мне виски. И то и другое есть. Поэтому за шампусиком отправляй Артема в самую последнюю очередь. А у нас, моя девочка, – обращается он ко мне, напрочь игнорируя Марину, – план такой. Сначала нотариус, потом шопинг и салон красоты. Ну и напоследок заберем твоё шмотье с Олимпийской.

Я чувствую, как ком застревает в гортани. Этот человек знает обо мне абсолютно все. Никуда не скрыться от него. Остается лишь играть по его правилам, меняющимся по ходу пьесы. Но мне не привыкать... Я справлюсь. Слишком высоки ставки в этой игре.

К нотариусу мы приезжаем с опозданием. Мой драгоценный жених не учел пробки на дороге в час пик. Вот и влипли. Не то чтобы мне хотелось поскорее поставить закорючку под многостраничным документом. Просто ерничаю. Мысленно. Стараюсь улыбаться дорогому Родичке и держаться поблизости.

– Антон Иванович на сделке, – лопочет помощница нотариуса. – Я ему сейчас же сообщу, что вы приехали...

– Пусть занимается, – словно барин отмахивается Веприцкий. – Мы пока изучим документы... Найдется ли тут тихое место, чтобы нас никто не побеспокоил?

– Конечно, – кивает помощница. Маленькая, худенькая нервная женщина. – У нас очень уютная ВИП-переговорная.

– Обалдеть! – вырывается у меня.

– Привыкай, – хмыкает рядом Веприцкий и, войдя в богато уставленную комнату, сразу выдвигает для меня кресло.

– Чай? Кофе? – услужливо предлагает женщина.

– Договор, – мимоходом бросает Вепрь. Плюхается в соседнее кресло и снова берет мою руку в свои. – Пустая формальность, Маечка.

– Я все равно прочту, ладно? – мурчу я и, как только за помощницей закрывается дверь, шиплю недовольно: – А то, может, я по этому договору обязана еще отдать почку и кусок печени...

– Ну кому твой ливер нужен? – лениво усмехается Веприцкий. А когда я погружаюсь в чтение, утыкается в свой ненаглядный айфон последней модели.

Сам договор не содержит никаких скрытых или двусмысленных моментов. Все четко и абсолютно ясно. Имущество супругов раздельное. Никто ни на что не претендует. Ежемесячно я получаю содержание в размере ста тысяч рублей и по окончании еще миллион.

«Интересно, – думаю я. – Сколько выручит Веприцкий от сделки с землей, если так щедр со мной?»

– Из твоего вознаграждения большая часть суммы пойдет на покрытие ущерба, – словно прочитав мои мысли, поясняет он. – Тебе на булавки оставлю рублей пятнадцать. Думаю, должно хватить.

– Если обещаешь кормить, то забирай все, – фыркаю я и тут же возмущенно вскрикиваю. Пункт «дети».

– Это обычная практика, – пожимает плечами Вепрь. – Ты же не захочешь оставить себе моего ребенка, – цедит он равнодушно.

– Я от своих детей не отказываюсь! – нервно шиплю я, прекрасно помня, что именно такое условие содержалось и в брачном контракте семейства Бакли. А я, наивная и влюбленная дурочка, даже не удосужилась прочитать документ. Мне казалось, что Алекс безумно влюблен в меня и никогда не допустит моих слез. Разлюбил. Я же разлюбила. – Этот пункт нужно переписать, – тихо замечаю я. – Мои дети будут жить со мной, но я не возражаю против совместной опеки.

– Переделывать некогда, – мрачнеет Веприцкий. – Просто постарайся не залететь, чижик. Если этот пункт изменим и мы умудримся кого-то заделать, то развода не будет. Надеюсь, ты это понимаешь...

– Почему? – возмущенно выдыхаю я. – Тысячи семей заводят детей, а потом разводятся. Мы не исключение.

– Сама посуди, милая, – тихо и вкрадчиво объясняет Вепрь. – Каждый из нас желает жить со своими детьми. Какой развод? О чем ты?

– В любом случае этот пункт нужно переделать, – спокойно заявляю я. – В таком виде я контракт не подпишу.

– Хорошо, – быстро соглашается Веприцкий. – Переделаем. Что еще?

Я со всей серьезностью вчитываюсь в документ, стараясь не пропустить ни одной детали. Ловлю на себе насмешливый взгляд Родиоши и снова опускаю глаза в текст.

– Больше вопросов нет, – киваю я. – Только, Родичка дорогой, брачный контракт должен кроме моих обязанностей и твоих прав содержать что-то такое, что ты обязуешься для меня сделать...

– Отпустить целой и невредимой по окончании действия договора, – морщится он. – Что ты еще хочешь, чижик?

– Срок действия договора не указан. Поэтому я могу оставаться твоей пленницей долгие годы. Тем более если появятся условия, препятствующие разводу.

– Ладно, – негромко ворчит он, – что ты хочешь, аферистка?

– Внести всего лишь один пункт. Ты обязуешься радовать меня и исполнять сокровенные желания.

– Никто не пишет подобную хрень, Майя, – раздраженно восклицает Веприцкий. Наверняка он представляет мои желания как самые примитивные. Ну там массаж или шопинг... – Хорошо, – фыркает он под моим напряженным взглядом. – Только одно маленькое уточнение. Желание должно быть сокровенным и не материальным. Периодичность исполнения – один раз в год. А то я забодаюсь, дорогая, – мычит он недовольно.

«Бинго! – хочется заорать мне. – Ты даже не представляешь, Родя, на что подписываешься! Бинго!!! Мне тогда и квартиру продавать не придется, – шестеренки в моей башке начинают стремительно вращаться. – Стопэ, – приказываю я себе. – Утешься, милая. Еще рано радоваться. Потерпи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.